

Товарищу ГОРБАЧЕВУ М.С.

К анализу факта приезда в СССР видных американских политических деятелей (Киссинджер, Вэнс, Киркпатрик, Браун и др.)

I. О чем свидетельствует факт приезда

Главная цель приезда группы - в меньшей мере анализ состояния текущих дел в сфере советско-американских отношений. Стратегическая основа - формирование "из первоисточника" взгляда на перспективы развития нашей страны с учетом вероятности избрания в США в 1988 году президента, представляющего следующее поколение правящей элиты США. Отсюда - изучение возможности нового содержания и форм отношений с Советским Союзом.

К середине 1980-х годов стал очевиден грубый просчет американской советологии, всех ее направлений. Перед началом текущего десятилетия господствовали два "сценария" грядущего развития СССР.

По первому - советская экономика подходит к грани лавинообразного кризиса, который приведет к открытому выражению социального недовольства (примерно, по "польскому варианту"). Открытые фазы такого кризиса прогнозировались сторонниками этой концепции на 1983-1984 годы. Именно на этих оценках основывалась, в частности, политика администрации Рейгана сразу же после ее прихода к власти в январе 1981 года.

По второму - кризис в советском обществе не примет открытые формы, по крайней мере, в текущем десятилетии, - вследствие высокого уровня терпимости населения, исторических традиций, мощного аппарата контроля. Однако экономика Советского Союза

будет развиваться с замедлением, а главное, будет нарастать экономическое, научно-техническое и социальное отставание СССР не только от Запада, но также и от социалистических стран Восточной Европы, а в дальнейшем - и Китая. В результате СССР где-то за пределами 1993-1995 годов утратит материальные перспективы развития в качестве мировой державы и морально-политический авторитет, СССР перестанет представлять из себя военную, политическую и социальную угрозу для Запада.

По существу, начиная с 1975 года, после подписания Хельсинкского акта, все варианты долговременной стратегии США - как составляющие содержание официального курса администраций, так и выдвигавшиеся в качестве альтернатив этому курсу, - исходили из посылки нисходящего социально-экономического развития СССР на длительную перспективу.

В данном случае такой подход - не просто классовое признание за коммунизмом будущего. Не являются такие представления и одними только "дежурными" упражнениями пропаганды. Фактические оценки базировались на данных ЦРУ, министерства торговли, академических и финансово-промышленных исследовательских центров, подкрепляемые информацией от приезжающих из СССР и стран Восточной Европы эмигрантов.

О последнем источнике необходимо сказать особо.

Когда в начале 1970-х годов из нашей страны пошла значительная волна эмиграции и выехавшие давали весьма негативную характеристику внутренним процессам в СССР, такая информация на первых порах воспринималась в США со значительными оговорками, даже с недоверием. От эмигрантов, собственно, ничего, кроме отрицательного мнения обо всем советском, и не ждали.

Но когда к концу прошлого десятилетия и на рубеже 70-х и 80-х годов официальная статистика СССР, наши публичные оценки стали, на американский взгляд, подтверждать информацию эмигрантов, то последней задним числом было придано особое значение. Произошло как бы взаимоусиление традиционного негативного представления о нашей стране и текущих оперативных данных. Результатом и стали оценки возможностей нашей страны на перспективу до XXI века.

Поэтому поворот в развитии советского общества после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК произвел эффект шока на американскую политическую элиту.

События в СССР предельно высветили стратегические промахи американской советологии и политики, поскольку в теоретических рекомендациях последнего десятилетия вообще не рассматривалась даже как гипотеза, как абстрактная возможность изменений в СССР.

Именно в этом контексте и следует рассматривать "разведывательную" политическую миссию указанной группы из представителей высшего эшелона политической элиты. В обсуждениях, которые они вели между собой после бесед в Москве, выявились следующие основные направления.

I. Является ли происходящее в СССР "взрывом идеализма" или же это продуманная и осознанная политика? Особое внимание членами группы уделялось выявлению того, насколько глубоко видят в СССР взаимосвязи между экономическими, социальными и иными аспектами проводимого курса, как оценивают сущность проблем и перспективы развития "на стыках" социального и экономического, социального и политического, экономического и военного и т.п.

Услышанное в Москве привело их к выводу о том, что политика перестройки опирается на продуманную концепцию. Главное противо-

речие развития советского общества они воспринимают как "конфликт между требованиями экономической эффективности и запросами социальной сферы". Участники группы отмечали, что, судя по прошедшим беседам, в СССР видят и понимают это противоречие (Питерсон, Вэнс, Киркпатрик, Джонс, Киссинджер). Снижение остроты этого противоречия изменит облик страны, повысит её социальный престиж.

2. Насколько реальны планы советского руководства? Только один из участников группы - Хайленд, - оценивал эти планы как "нереальные". В то же время в реакции этого профессионального советолога (либерального, по американским критериям) отчетливо просматривалось сильное раздражение тем, что прогнозы советологии оказались напрочь опрокинутыми. Он сам участвовал в составлении этих прогнозов.

Остальные оценивали планы социально-экономического развития СССР с разной долей оптимизма. Ни один из них не признал возможности полной осуществимости таких планов. В то же время в общих оценках произошел сдвиг в сторону большего оптимизма, большей склонности верить в успех наших начинаний. Особенно заметна такая реакция была у Вэнса и Питерсона.

3. Хорошо или плохо для США, если СССР будет развиваться по восходящей? Только Хайленд высказывался в том смысле, что укрепление Советского Союза может быть сопряжено с нарастанием проблем для США, главным образом с точки зрения внешней политики, взаимоотношений с Западной Европой. Остальные считают, что развивающийся СССР в большей степени отвечает интересам безопасности США, чем перспектива каких-либо потрясений в нашей стране. (Джонс прямо заявил: "желаем успеха").

Некоторые участники группы выражали озабоченность по поводу того, что концентрация двух стран на соперничество друг с другом приведет к их взаимному ослаблению, а одновременно тем самым - к относительному усилению третьих стран, прежде всего Японии. В этой связи Киркпатрик и некоторые другие высказывались, исходя из внутренних интересов СССР и США, в пользу сокращения военных расходов.

4. В какой мере новое политическое мышление стало частью внешней политики самого Советского Союза? Диапазон оценок определен следующим образом. На одном полюсе была Киркпатрик, которая считает, что речь идет лишь о личном стиле М.С.Горбачева. По её оценке, она "не ожидала, что в СССР может быть столь открытый и демократически настроенный лидер". Что же касается содержания внешней политики СССР, то здесь, по её словам, "присутствуют лишь отдельные новые выражения на старом фоне".

Другой внутригрупповой полюс представлял Вэнс. По его мнению, в содержание внешней политики СССР уже внесено много нового, причем особенно важно, что принципиальные элементы этого нового такие, например, как концепция взаимозависимого мира, закреплены в решениях XXVII съезда. Нельзя не видеть и того, отмечал он, что действия советского руководства согласуются с этими общими принципами, речь идет не только о пропаганде.

В центре дискуссии о новом мышлении между участниками группы оказалась тема Афганистана.

Сторонники той точки зрения, что "новое мышление - лишь слова", придерживались позиции, что "США незачем помогать СССР вытравиться из Афганистана". В крайнем случае был бы возможен "нейтралитет" США по отношению к политическому урегулированию в Афганистане "в обмен на сокращение всяческой помощи СССР, включая экономическую, Никарагуа" (Хайленд).

Вэнс, Тарнов, Свинг высказывались в том плане, что США не извлекают сейчас никакой реальной выгоды из войны в Афганистане, но все более осязательно рискуют там развалом Пакистана и возможностью американо-индийской конфронтации. Учитывая это, США, по их мнению, следовало бы не мешать политическому урегулированию в Афганистане, если СССР найдет формулу такого урегулирования.

5. О предприятиях с совместным капиталом. К этой концепции был проявлен большой интерес и с практической (Питерсон), и с идеологической (Киссинджер) точек зрения. Главный вопрос, который пока остается, по мнению американцев, без ответа и сдерживает практическое осуществление таких проектов: как будет разрешаться противоречие между нацеленностью западных кампаний на извлечение прибыли, на сугубо деловые критерии и необходимостью подчиняться требованиям советского социального законодательства. Требуют разъяснений и все практические вопросы, прежде всего связанные с долей смешанного предприятия на внутреннем рынке СССР и с порядком вывоза прибылей.

6. В чем заключается сегодня сфера общих интересов СССР и США? Все участники группы были едины в том, что принципиальная сфера общих интересов - это предотвращение ядерной войны, создание и укрепление гарантий против её возникновения.

Как сфера растущих общих интересов рассматривалась участниками группы и заинтересованность двух стран в сокращении военных расходов. Питерсон подчеркивал, что за последние 2-3 года в деловых кругах США сложилась серьезная озабоченность последствиями роста военных расходов и связанного с ними дефицита государственного

бюджета США. Страх перед дефицитом в деловых кругах очень большой, отмечал он, - тем более, что его воздействие может сказаться буквально на всем: внутренней жизни США, их позициях в отношениях с союзниками, с "третьим миром" и т.д.

В результате бесед в Москве поколеблена вера в идею "измотать СССР гонкой вооружений". Участники группы отмечали, что перед лицом такого СССР, какой вырисовывается на перспективу, США не смогут себе позволить чрезмерных военных расходов (Питерсон, Тарнов, Джонс, Вэнс), иначе измотают самих себя.

В то же время иных сфер общих интересов СССР и США участники группы по существу не видят. Весьма настороженно воспринимается идея полного уничтожения ядерных вооружений. Против этой идеи три группы аргументов:

- убеждение, что только ядерное оружие сохраняло мир в минувшие сорок лет, способно сохранять его впредь;

- опасение, что при ликвидации ядерных вооружений СССР получит подавляющее превосходство в обычных вооружениях;

- если мышление в "ядерных" рамках развито достаточно высоко, то ликвидация ядерного оружия возвращает внешнеполитическое сознание США к уровню и понятиям 40-50-х годов.

Опасения перспективы уничтожения ядерных вооружений настолько высоки, что, по отзывам некоторых членов группы (Киссинджер, Браун), сторонники контроля над вооружениями в США сейчас "попритихли", страшась как советского превосходства в обычных вооружениях, так и возможности невиданной гонки вооружений в этой сфере на основе новых технологий.

Вывод участников группы: ядерные вооружения надо значительно сокращать на стабилизирующей основе, но не ликвидировать полностью.

7. Перспективы советско-американских отношений, особенно на ближайшее время. Это главное, что исследовалось и обсуждалось. Здесь участниками группы были высказаны две точки зрения, строго говоря, не противоречащие друг другу.

Первая: в принципе есть возможность договориться о разоружении в этот период, но только если "развязать" рейкьявикский пакет. В этом случае договоренность по РСД может быть достигнута легче всего. Договоренность по СОИ/ПРО также не является невозможной, хотя потребует больших усилий.

Вторая: даже если Рейган в оставшиеся два года "проснется" и захочет о чем-то договориться, из этого ничего не выйдет в силу расстановки сил в администрации и возможностей для крайне правых парировать такие договоренности утверждениями о том, что они будут противоречить установкам, официально уже принятым администрацией ранее.

Характерно, что как первую, так и вторую оценки высказывали одни и те же лица (Киссинджер, Вэнс, Браун, Тарнов). Все они подчеркивали, однако, необходимость в любом случае не отказываться от проведения по отношению к США "интенсивной политики", которая уже одним своим фактом нейтрализовывала бы угрозу крайне правых. А такая угроза, по общей оценке группы, реальна, ее масштабы нарастают по мере осложнения позиции администрации и приближения общенациональных выборов в 1988 году.

II. Выводы и предложения

Поездка в Москву не привела, конечно, членов группы к пересмотру своих общих взглядов - этого никто и не мог ожидать. Остаются прежними и принципиальные целевые установки. Наиболее ощутимо изменилось одно - утвердилось мнение в том, что в СССР всерьез

начаты и будут проводиться и далее такие внутренние преобразования, которые могут потребовать глубоких корректировок в американских прогнозах будущего развития советского общества - корректировок политических, экономических, международных.

Перестройка не рассматривается как угрожающая интересам США, главным образом, видимо, потому, что они выжидают, как пойдут у нас дела дальше. Советологи США явно нуждаются и во времени для более глубокого анализа взаимосвязей внутренней и внешней политики СССР на перспективу. Судя по всему, участники группы имеют в виду выработать какую-то альтернативу курсу Рейгана, но убедительно представить ее общественному мнению, политической элите США они пока не в состоянии. Известная неопределенность после просчетов в теоретических разработках и практических действиях остается.

Тем самым сохраняется задача непрерывного и эффективного политического нажима на США с целью противодействия курсу Рейгана и оказания поддержки тем силам внутри господствующего класса США, которые выступают против этого курса.

Представляется, что наиболее эффективным шагом здесь могло бы стать в нынешних условиях "расшнурование пакета", предложенного на встрече в Рейкьявике, уточнение взаимообусловленностей между составляющими его элементами. Тактически такое "расшнуровывание" могло бы быть как одноразовым, внешне облеченным в какую-либо "драматическую" форму, так и более растянутым во времени; как сразу и полностью открытым, публичным, так и сочетающим в себе открытые и дипломатические формы. Наиболее предпочтительна была бы трансформация "пакета" в концепцию "рамочного соглашения" типа Владивостокского 1974 года.

А) Выдвижение "пакета" в Рейкьявике было точным, правильным и необходимым. Нужна была мощная инициатива, которая захватила бы общественное мнение, провела бы сильную "разведку боем" позиций администрации, высветила бы эти позиции, стала бы рычагом давления на них. А у мощной инициативы должна быть и надежная страховка. Все эти функции наша инициатива выполнила с блеском:

а) предельно обнажены позиции Рейгана как сторонника военно-силовой линии;

б) СОВ сейчас внутривнутриполитически слабее в США, чем до Рейкьявика - не случайно Уайнбергер и крайне правые так торопятся с решением о развертывании; в конгрессе настроения все более против полномасштабной СОВ, в том числе и по финансовым причинам;

в) внешнеполитически администрация слабее: "Ирангейт" стал возможен только после и благодаря Рейкьявику, это месть Рейгану за Рейкьявик (с разных сторон одновременно);

г) произошел глубокий перелом в общественном мнении Запада в целом, который сейчас получает многообразные выходы во все аспекты отношений как между Востоком и Западом, так и внутри НАТО; перелом тем более эффективный, что он явился для Запада полной неожиданностью;

д) выраженные в "пакете" идеи работают и сейчас, спустя почти полгода после Рейкьявика, как фактор мобилизации во всем мире элементов нового политического мышления, противодействия линии администрации Рейгана. Но именно идеи, а не "пакет" как таковой.

Короче, мы создали крайне важный и эффективный плацдарм для наступления на Рейгана. Теперь, не упуская времени, надо его расширять, превращать в плацдарм наступления на позиции наиболее

правых сил, активных сторонников гонки вооружений в целом, обеспечивая возможности для сотрудничества здесь с умеренно-консервативными и либеральными группировками в США и Западной Европе.

Объективные возможности для этого есть. После Рейкьявика администрация Рейгана попятилась назад. Заняв по СОИ позицию еще более вызывающую, чем на самой встрече, Вашингтон, судя по всему, пытается заранее исключить возможность положительных подвижек по любому из вопросов нашего "пакета", даже если публично утверждает обратное. Он превращает "пакет" в тупик.

В Белом доме, похоже, глубоко убеждены, что "пакет" является для нас предельной позицией. Отклики на последние Ваши выступления показывают, что от нас ждали каких-то новых предложений и уступок. Не получив их, в Вашингтоне должны сейчас полагать, что новые серьезные подвижки в советской позиции маловероятны. "Расшнуровывание пакета" стало бы в этих условиях еще одним актом, до конца разоблачающим подлинную сущность позиции США по вопросам ограничения и сокращения вооружений.

Б) Не реагировать на очередную уловку США нельзя. Для нас "пакет" как таковой - не цель, а средство. Советская сторона не должна допустить, чтобы Вашингтон сеял сомнения в наших намерениях, перекладывал на СССР ответственность за отсутствие продвижения на переговорах, перехватывал политическую инициативу, рисуя общественному мнению перспективу "вполне реальных" 50-процентных сокращений и пр.

Нет уверенности в том, что если мы развяжем "пакет", нынешняя администрация США пойдет на сбалансированные договоренности с нами. Факты свидетельствуют скорее о совершенно иной тенденции

в развитии позиции Рейгана. Но столь же верно и другое - в обстановке застоя отмечается размывание фронтов в западноевропейском общественном мнении и отчасти американском, обе сверхдержавы предстают одинаково неспособными позитивно откликаться на чаяния масс.

В политике всегда ценна максимальная свобода маневра. "Пакет" в нынешней его форме связывает нам руки. Вряд ли есть основания ожидать, что все образуется само собой, что Рейгана осенит - в Рейкьявике он упустил лучший свой шанс войти в историю не лицедеем, а государственным деятелем. Для этого Рейган и недостаточно умен, и слишком ограничен в свободе выбора.

При анализе ситуации следует принять в расчет еще один аспект. При наличном соотношении сил СССР противоборствует с США не только на международной арене, но и внутри самих США. Конечно, "нужного" нам президента мы не изберем, "нужную" СССР политику не внушим. Но предохранить себя от худшего можем. Сегодня это значит: наращивать давление на Рейгана и стоящие за ним круги. Придание советскому подходу большей гибкости и динамизма такое давление усилит.

В) В наших ли интересах договоренности по отдельным вопросам? Думается, да. Мы никогда не ставили вопрос так: "все или ничего". Не ставим его так и сейчас: не связываем "пакет" с ядерными испытаниями, химическими вооружениями. Какие договоренности в принципе возможны?

1. РСД, с одновременным разговором по тактическим ракетам. Для нас это было бы равнозначно устранению очень серьезной угрозы. Подняло бы наш авторитет в Европе. В конечном счете облегчило бы дела с Китаем.

Пробивать СОИ, если она будет создана, ракетами средней дальности в любом случае вряд ли придется. Развязывание "пакета" делает эту договоренность достижимой, сохранение "пакета" ее блокирует. Здесь выгода развязывания налицо.

2. 50-процентное сокращение стратегических вооружений, с одновременным подчеркиванием нашей готовности приступить и к полному ядерному разоружению. Если бы оно было возможно, выгода такого сокращения во всех отношениях несомненна: политическом, экономическом, моральном, военном. Наращивание СНВ может иметь смысл только для прорыва СОИ, и то этот вопрос еще надо всесторонне проанализировать.

3. Заслуживает рассмотрения и следующая модель урегулирования - 50-процентное сокращение стратегических вооружений (реально наполовину уменьшался бы состав носителей и количество боезарядов при оставлении за каждой из сторон права самой решать, каково будет соотношение МБР, ПШБР, ТБ), одновременное сокращение на 50 процентов ракет средней дальности СССР и США в европейской зоне и сокращение на 50 процентов американских средств передового базирования. При согласии США адекватно уменьшить СПБ в Японии и Дж.Корее свести к 100 единицам (по боезарядам) число РСД в Азии (соответственно на территории США).

При этом учитывается, что США связывают реализацию мер по РСД в Европе со строгим контролем. Следовательно, собственно американская территория оказалась бы вне контроля, а проверка в Англии, ФРГ и др. странах потребовала бы сложных процедур согласования с национальными правительствами.

Пойдут ли США на такие решения? Уже ясно, что при Рейгане нет! В этих условиях наша готовность к соглашению вне "пакета" имела бы такие для нас "плюсы":

- обнажала бы подлинные позиции США, становилась бы мощным и долговременным средством нажима на американцев, их курс;
- играла бы роль стимула к ограничению ассигнований на СОИ в американском конгрессе, стимула тем более действенного, если бы удалось сохранить имеющиеся ограничения, сократить какие-то вооружения, хотя бы РСД. Политический и психологический эффект такого шага был бы очень весом, особенно учитывая растущие финансовые трудности США.

4. Собственно СОИ. Пока Советский Союз стоит на позиции полного отвержения военных технологий, закладываемых в основу данной американской программы. Если быть логичными и убедительными в борьбе с СОИ на этой платформе, нам нужно быть готовыми к выдвиганию идеи не ограничения, а полного отказа от систем ПРО, т.е. ужесточения требований договора 1972 г. Любое ограничение всегда двусмысленно, оставляет лазейки для обхода и недоразумений.

Запрет на ПРО мало что менял бы для нас реально, ибо за последнее десятилетие появились системы, против которых пока не создано эффективных контрсредств, а количественные ограничения по договору плохо увязаны с действительными масштабами возможных массированных ударов. Следовательно, московский район ПРО имеет значение лишь как исследовательско-испытательный полигон на случай, если встанет вопрос о развертывании систем обороны национальной территории.

По-видимому, США - по крайней мере до фактического опробования разрабатываемых ими технологий на реальных целях - не станут вступать с нами в переговоры на предмет превращения договора об ограничении в договор о запрете ПРО. Последнее будет возможным в случае, если испытания в рамках СОИ окажутся разочаровывающими или сами системы настолько сложными и дорогими, что Вашингтон

предпочтет свернуть систему. Однако испытание за пределами существующего договора означало бы окончание его действия, если, понятно, еще до испытаний стороны не условятся об ином.

Речь об уступке американцам в "широком толковании" договора по ПРО могла пойти в практическом плане только при соответствующей компенсации со стороны Вашингтона. Например, нахождение согласованного модуса по правому статусу космического пространства. Далее, выработка регламентации на определенные виды деятельности в космосе, а еще лучше - в отношении космических объектов. Наконец, установления объективных критериев для разграничения оборонительного и необоронительного характера систем, допускаемых к размещению в космосе, и методики контроля за выполнением принятых обязательств.

В чем смысл выдвижения такого рода соображений? Во-первых, вряд ли целесообразно задним числом давать противникам повод для утверждений, будто СССР сделал невозможным успех в Рейкьявике, связав ядерное разоружение с СОИ. Во-вторых, детализацией нашего подхода (раскрытие понятий, что такое лабораторные исследования и пр.) было бы продемонстрировано, какое развитие было бы возможно еще в Рейкьявике, если бы США стремились к сближению позиций. В-третьих, постановка набора вопросов для обсуждения позволит без урона для нашего престижа ослабить взаимозависимость между СНВ и СОИ, взять принцип параллельных переговоров.

В целом частичные договоренности - как по проблемам СОИ, так и по всем другим, - в наших интересах и по их потенциальному содержанию, и тем, что само их наличие расширяло бы, укрепляло политико-правовую базу советско-американских отношений. Нужно максимально расчистить путь к таким соглашениям.

Г) Инициатива сейчас находится у нас. Мы высказали далеко идущие предложения, предприняли шаги к тому, чтобы сделать реальным их осуществление. США, Запад ответили очередной серией всякого рода "но" и "если", искусственных и реальных сомнений. Задача теперь - снять искусственные препятствия и выставить на обозрение мировой общественности истинные, глубинные мотивы американской политики. Для этого нужен новый прорыв - с тем, однако, пониманием, что реакция на этот прорыв в США пойдет по знакомому уже кругу (что более, чем вероятно), и спустя какое-то время может понадобиться дальнейшее развитие наших предложений в интересах поддержания постоянного нажима на США (принцип "матрешки" при формулировке инициатив).

С точки зрения национальной безопасности СССР "развязывание пакета" не связано ни с какими реальными "минусами": содержание предложений остается по существу прежним. Факт развязки сам по себе никак не означает автоматического заключения соглашений на невыгодных для нас условиях. Остается и возможность выступлений при необходимости с другими увязками и пакетами.

Сложностью пропагандистского плана может стать вопрос, почему в Рейкьявике мы сочли необходимым выступить именно с пакетом, а не просто с набором предложений. Думается, что эта трудность может быть преодолена указанием на то, что отказ от принципа "пакета" сделан нами в ответ на инициативы западноевропейских государств и представляет из себя уступку. Такой шаг разоблачал бы и позиции консерваторов Западной Европы, показал бы, чего стоит на деле их "стремление к соглашениям с СССР".

Не будет ли развязка "пакета" интерпретироваться как выражение нашей крайней заинтересованности в соглашениях? Будет, конечно.

Но и сейчас все так интерпретируется. Поднять уровень требований к нам администрация Рейгана не может: он и так поднят до предела, а общая политическая атмосфера и позиции администрации далеко не такие, какими они были в 1981-1982 годах. До прихода же к власти новой администрации срок еще большой.

Учитывая, однако, что с приходом к власти другой администрации могут сложиться более благоприятные условия для достижения соглашений, в том числе и по проблематике СОВ, представляется наиболее целесообразным заранее подготовить позиции. "Расшнурование пакета" сейчас было бы воспринято, помимо прочего, и как такая подготовка. Наоборот, приближение этого к моменту достижения будущих договоренностей давало бы США больше оснований делать вывод о нашей крайней заинтересованности в соглашениях.

Публичное выступление с развязкой пакета, если бы оно состоялось в ближайшее время, могло бы компенсировать в глазах мировой общественности факт ответного возобновления нами ядерных испытаний. Соображение в данном случае не решающее, но также нуждающееся в учете.

Д) Крайне важно сейчас не терять взятый темп, не упускать время. Если развязывать пакет, то делать это надо именно сейчас, ибо позднее эффект скажется сильно ослабленным:

- в настоящее время никто не ждет от нас такого шага; напротив, на Западе и в США, похоже, крепнет впечатление, что мы "поставили крест" на администрации Рейгана;

- сейчас еще далеко до выборов в США. Ближе к началу избирательной кампании наш шаг неизбежно будет истолкован многими как попытка повлиять на исход выборов;

- объективно еще есть несколько месяцев для достижения договоренностей до начала избирательной кампании, и наш шаг будет воспринят в этих условиях как естественный;

- по тем же и многим другим причинам нельзя создавать впечатление какого-либо "аванса" будущей администрации США;

- так или иначе завершится "Ирангейт". В зависимости от его исхода, наш шаг может быть истолкован либо как "добивание" Рейгана, либо, напротив, как уступка президенту, вышедшему из кризиса с "укреплением" его позиций;

- наконец, информированными людьми он будет воспринят и как наша положительная реакция на то, что высказывали в последнее время в Москве многие видные иностранцы.

Таким образом, если развязка пакета будет предпринята нами уже в ближайшее время, она объективно будет выглядеть как еще одно проявление нашей доброй воли, здравого смысла, выражение на практике нашего нового мышления, единства тут слова и дела.

И еще одно соображение. Опыт свидетельствует, что США идут на значительные соглашения, когда ощущают силу наших позиций. Наступление этого момента связано, помимо прочего, с демонстрацией нами бесспорных достижений в материальной сфере. Такое время наступит, очевидно, спустя несколько лет. Именно тогда может стать возможен своего рода "прорыв" в советско-американских отношениях. Поэтому предпринимаемые сейчас действия целесообразно рассматривать как "наработку" нами авторитета и позиций к наступлению в будущем такого момента, как долговременное политическое капиталовложение.

е) Конечно, развязывание пакета поставит перед нами и новые задачи.

Необходима глубокая проработка всего круга позиций и аргументов на случай как отказа США от договоренностей с нами (в целом и

по отдельным позициям), так и проявления ими сейчас или в будущем готовности к соглашениям.

В частности, требует изучения весь комплекс вопросов, связанных с возможностью осуществления совместных программ в космосе (в том числе и как формы контроля за неосуществлением определенных видов военной деятельности там), а также программ сотрудничества в сфере "высоких технологий".

Нами по существу едва затронуты возможности мер по военной линии, начиная от прямых контактов между военными ведомствами и кончая, возможно, некоторой "стыковкой" систем командования и управления.

Требуют изучения правовые аспекты пролета над национальной территорией космических систем вооружений, если и когда такие системы начнут разворачиваться (сбивать или не сбивать в мирное время).

Большая тема для анализа - возможности использования нами на взаимной основе международных процедур и услуг третьих стран в вопросах контроля, арбитража и т.п.

В то же время необходимо подчеркнуть, что перечисленные и иные проблемы требуют с нашей стороны внимательного их анализа в любом случае, безотносительно к "пакету", развязка которого может сделать необходимым лишь некоторое ускорение такой работы. Впрочем, и такое ускорение также желательно в любом случае.

25.4.87

А. А. Анисимов